

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация: В статье идет речь о метафоре «историческая справедливость», которая, в значительной мере, задает направленность процессу познания прошлого и определяет расстановку аксиологических акцентов при осмыслении его результатов. Отмечается, что ее семантические границы весьма размыты, ее используют как для оправдания действий конкретного исторического персонажа, так и для обоснования настроений тех или иных социальных групп, политических претензий и построения всевозможных «возрожденческих» теорий. При этом, как правило, ее используют «по умолчанию», она скорее выступает в «констатирующем» варианте, когда определенное событие обозначается как «акт исторической справедливости». В статье рассмотрены соотношения этой метафоры с «исторической памятью» и «исторической истиной», ее роль в идеологических конструкциях и в качестве орудия политической практики, а также возможности ее использования в рамках так называемой «строгой науки».

Ключевые слова: историческая справедливость, метафоры как эпистемологические категории, историческое познание, историографические образы, стратегии мемориализации.

Об авторе: Сергей Иванович Посохов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Tel.: +38 057 707 5251 (office), mobile: +38 067 748 1588, sposokhov@mail.ru

Полисемантичность исторической терминологии – давно известный факт, впрочем, как и весьма свободное использование тех или иных терминов в исторических исследованиях. Уже в этом проявляется, по мнению одних, мультипарадигмальность исторической науки, а, по мнению других, – размытость ее научных норм. И все же, правила «строгой науки» заставляют профессиональных историков все больше внимания уделять толкованию терминов. На сегодняшний день появилось немало словарей исторической терминологии [8, 9, 16 и др.]. В этом ряду среди пер-

вых стоит работа М.А. Барга «Категории и методы исторической науки» (1984). Безусловно, это не терминологический словарь в полном смысле слова, так как автор ограничился лишь несколькими терминами. Как отметил во введении сам М.А. Барг, «оказавшись перед необходимостью отбора из всей совокупности категорий лишь некоторых из них, автор отдавал предпочтение категориям, наименее разработанным и остающимся предметом дискуссии» [2 с.3]. К тому же, само построение книги слабо напоминает словарь, ведь каждому термину отведена отдельная глава, а во второй части работы представлены «теории ряда фундаментальных процессов в истории средних веков и первого периода новой истории» » [2 с.3]. Скорее мы имеем книгу методологического характера, в которой акцентировано внимание на важнейших категориях и их познавательных возможностях. Однако, в определенном смысле, именно эта работа задала «терминологический вектор» развития историографии, когда дискуссии в среде историографов часто ведутся вокруг толкования терминов. В этой связи возник также разговор о том, есть ли у исторической науки «свои» термины и как влияет на ее развитие и статус заимствование понятий из других отраслей знания. В последнее время все чаще историки ведут речь не столько о «понятиях», сколько о «метафорах», тем самым признавая стилистическое измерение историописания и подчеркивая особенности истории «как не вполне строгой науки».

Действительно, познание прошлого имеет немало специфики. Среди прочего, оно тесно сопряжено с процессами, происходящими в массовом историческом сознании. Как известно, в исторических представлениях немало того, что определяется настоящим моментом. Также не удивительно, что прошлое окрашивается различными красками в зависимости от понимания людьми общественных перспектив и желаемых целей. Та или иная «центрация» обуславливают соответствующую значимость конкретных событий, а также видение тенденций, которые, по большому счету, в этом случае можно разделить на пес-

симистичные и оптимистичные [12]. Определенную направленность процессу познания прошлого, а, главное, расстановку аксиологических акцентов при осмыслении его результатов, задают именно различные метафоры, которые являют собой языковую форму, содержащую в себе гипотезу или познавательную модель [5 с. 23, 25].

Как уже отмечено, о метафорах как эпистемологических категориях, определяющих процессы объяснения и моделирования прошлого, в последнее время говорят все чаще. Этому способствовали работы П. Рикёра и В. Вжосека (Свою роль в этом на восточноевропейском пространстве сыграла статья В. Вжосека в «Одиссее» [3], которые посвящены проблемам интерпретации и актуализации прошлого. В частности, В. Вжосек так обозначил задачу эпистемологии истории: «...выяснить, каким образом метафоры в культуре, их изменчивость или устойчивость, обуславливают своеобразие исторического мышления, а как следствие – «природу» историографических образов мира, создаваемых историческим письмом» [4 с. 43]. По нашему мнению, именно выстраивание смыслов (формирование «новых метафор». По словам В. Вжосека, «новые метафоры» являются «локомотивами мировоззренческих ценностей» [4 с. 43]), которые позволяли бы гармонизировать человеческую общность и в узком, и в широком понимании этого слова, может уже сегодня называться основной социальной функцией истории [13].

В том числе такой важнейшей метафорой является «историческая справедливость» (среди немногих публикаций на эту тему см. [7]). Многие историки (явно или не явно) находятся в плену у этой метафоры, поскольку она задает направленность их творчеству. Впрочем, в словарях исторической терминологии это понятие отсутствует. Очевидно, его относят к числу тех, которые фигурируют в рамках «социально ориентированной истории», которые «обслуживают массовое историческое сознание». Однако такой подход актуализирует вопрос о социальных функциях истории и, при последовательном рассмотрении, фиксиру-

ет условность грани между «строгой» и «социально ориентированной» историей.

Историческая справедливость и историческая память

Историческая память часто эмоционально окрашена, в ней отчетливо фиксируются величие триумфа и горечь поражения, достойные и недостойные «деяния». Немало места занимают также «обиды» и основанные на них надежды на «возмездие». «Генетическая» память призывает нас сохранить «духовное историческое наследие», которое часто наполнено именно такими смыслами. Как здесь не вспомнить знаменитые слова героя книги Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле»: «пепел Клааса стучит в мое сердце». Другими словами, на состояние исторической памяти часто влияет не столько желание восстановить историческую справедливость, сколько негодование по поводу случившейся в былые годы несправедливости (которое при известных обстоятельствах может обернуться жадой реванша). И таких примеров можно привести немало, в том числе связанных с интерпретациями исторических событий. Как отмечает Р. Тоштендаль, «исторические уроки формировались на основе прошлого нации, к которой принадлежал автор, основываясь на каноне несправедливостей, какие эта нация претерпела, а также героических ответов на все вызовы» [17 с.17]. И сегодня высказываются мнения, например, о том, что расстрел поляков в Катыни был оправдан как месть за погибших в Польше красноармейцев в 1920 г. [15 с. 301], а кто-то позволял себе писать о том, что евреи в Бабьем Яру отвечали за свое участие в коллективизации [7].

Особенно ярко это стремление проявляется в варианте «пробуждения памяти эмансипирующихся меньшинств». Как отмечает П. Нора, в этом случае часто наблюдается переход от скромной памяти, которая лишь просит признания, уважения и хочет войти в большой нарратив коллективной истории нации, к памяти обвиняющей и уничтожающей эту историю, навязыва-

ющей вместо общей интерпретации своё пристрастное и одностороннее мнение, нетерпеливо требующей придать своей версии прошлого официальный статус и оградить её стеной закона [11]. События последнего времени на Украине, связанные с разрушением памятников и принятием соответствующих законов, можно привести в качестве соответствующего примера. Впрочем, о могучем потенциале метафоры «историческая справедливость» свидетельствуют стратегии мемориализации, которые осуществляют сегодня в разных странах. Они имеют несколько иную форму, но стоят в этом же ряду. В частности, опасения, что общественный резонанс вокруг воспоминаний о тех или иных исторических событиях и лицах может обернуться нарушением баланса интересов различных групп людей, способствуют политике «забвения». Об этом пишет П. Нора: «Мы видим этот процесс в действии, когда, скажем, государство отказывается от чествования битвы при Аустерлице, в котором принимала участие вся Европа, под тем предлогом, что оно прославляет колониальную политику Наполеона. Или когда власти решают не отмечать 400-летие со дня рождения Корнеля, потому что члены его семьи будто бы были связаны с трансатлантической работорговлей» [11]. Но явственнее роль анализируемой метафоры выступает, конечно, не в политике «забвения», а именно в коммемориальных практиках. Хотя в этом случае метафора непременно сопряжена с долженствованием («долг памяти»), она может быть наполнена противоположными смыслами: выступать в вариантах спасения от забвения (как «незаслуженно забытого»), прямого прославления (как «справедливо удостоенного»), покаяния за содеянное (как «фаскавание за несправедливость»).

Лишь отчасти можно принять утверждение И. Ионина о том, что «...объяснительные схемы истории возникают главным образом у страдающих людей в неблагополучных обществах, нуждающихся в социальной мобилизации. Для этого изыскиваются символические ресурсы культуры, которые интерпретиру-

ются как опыт истории» [6 с. 83]. Конечно, социальные катализмы актуализируют проблему выбора вектора общественного развития (который непременно сопоставляется с предшествующим выбором), однако и в «благополучных обществах» такая проблема остается весьма острой, ведь поиск смысла истории (осмысление опыта) является способом осознанного продвижения вперед. Это касается как индивидуального, так и коллективного опыта. Рассуждения об ответственности человека перед историей П. Рикёр соединяет с понятием «справедливой памяти». Разработку идеи справедливой памяти он даже назвал своим гражданским долгом. В работе «Память и забвение» он отметил: «Именно справедливость, выявляя назидательное значение травмирующих воспоминаний, превращает память в проект, и именно сам проект справедливости придает долгу памяти форму повелевающего будущего» [14 с. 127]. Развивая эту мысль, П. Рикёр обратил внимание, что справедливость говорит об обращенности к другому, что идея долга неотделима от идеи наследия, но на этом основании не следует судить историю и требовать «возмещения убытков».

Историческая справедливость и историческая истина

Долгое время позитивистские установки нацеливали историка на поиск истины, которая соединялась с понятием «историческая правда». Такой взгляд получил широкое распространение в советской историографии. Более того, не ограничиваясь выявлением «истинных фактов», советские историки, под влиянием марксизма, акцентировали внимание на роли исторических закономерностей. Заметим, что эти исторические закономерности, которые «неумолимо» прокладывали себе дорогу, априори выглядели «справедливыми». В данном контексте нередко шла речь также об «исторически оправданных» действиях людей. Впрочем, и в массовом сознании «историческая правда» играла и играет весьма заметную роль. Можно утверждать, что рассмотрение и отбор исто-

рического материала в этом случае происходит посредством приклеивания символического ярлыка с таким названием. При этом различные группы людей по-разному могут маркировать одни и те же исторические события. В этих действиях можно выявить немало эмоционального, категоричного, контраверсийного. Не случайно, сторонники «научной истины» старались отмежеваться от простонародных трактовок событий.

Сегодня уже не принято противопоставлять историю (как «объективную» и «беспристрастную») памяти (как «субъективной» и «избирательной»), историописание видится одной из форм культурной (социальной) памяти. Вместе с тем, фиксируются и отличия.

Сложные отношения памяти и истории проанализированы П. Нора. Известно его утверждение о том, что «история убивает память». Имеется в виду, что стандартизированные знания о прошлом, культивируемые через СМИ и систему образования, не дают возможности развиваться устно-семейным преданиям. Однако скорее следует говорить о симбиозе памяти и истории, о направленном воздействии истории на память. В том числе такое воздействие осуществляется при помощи метафоры «историческая справедливость», которая является системообразующей в рамках «нормативного знания» (в массовом сознании именно такие «незыблемые», «утвержденные» знания символизируют науку и образование). Не всегда в явном виде, такое «нормативное знание» выступает своеобразным синонимом понятия «историческая истина». Чаще это выражается в моральных призывах – «воздать всем должное» и «расставить все на свои места». «Нормативное знание» сконцентрировано в учебниках, которые непременно должны получить не только профессиональное, но и общественное одобрение. «Переписывание истории» в угоду общественным настроениям особенно наглядно на примере школьных учебников по национальной истории, где прописные истины символизируют «справедливую память». Исходя из векторов общественного развития, которые деклари-

руются в различных политических стратегиях и программах, формируются пантеоны национальных героев и списки памятных дат, которые, в свою очередь, определяют перечень общенациональных праздников. Однако утверждение «исторической справедливости» в ряде случаев проявляется не только в созидательных практиках, направленных на увеличение количества «истинного знания», но и в «очищении» его от знания «ложного». Последнее рождает запреты, разоблачения, нивелирование «ложных» ориентиров, героев, интерпретаций (вспомним в этом случае не только о сознательно разрушенных памятниках, но и о сожженных книгах). Конечно, такие действия могут стимулироваться как на уровне государственной политики памяти, так и оправдываться на уровне массового исторического сознания (попадая в категорию «справедливого» и собственно символизируя «победу исторической справедливости»).

Аксиологическое наполнение метафоры «историческая справедливость», казалось бы, в современных условиях исключает ее из арсенала «строгой науки», делает ее признаком той исторической науки, которую называют «социально-ориентированной». Однако, на наш взгляд, это не так. И дело не только в том, что она неявно присутствует в собственно научных построениях и может быть соотнесена с понятием «парадигма». Ведь как заметил Ж. Лиотар, «Народ спорит сам с собой о том, что справедливо, а что нет, точно так же, как сообщество ученых о том, что истинно, а что ложно. Первый накапливает гражданские законы также, как второе - научные; первый совершенствует правила своего консенсуса через посредство конституционных положений так же, как второе пересматривает их в свете своих знаний, производя при этом новые "парадигмы"» ([10 с. 76] Вообще автор часто в этой работе упоминает «справедливые цели», «справедливое общество»). Метафора «историческая справедливость», на наш взгляд, работает в рамках так называемой «строгой науки» в том плане, что подразумевает учет всех обстоятельств, которые обуславливают наше понимание исторических событий. До известной степени с ней соотносится

принцип дополнительности, поскольку историческая справедливость в рамках собственно научного подхода подразумевает, что господствующее мнение не является единственным. В этом случае данная метафора скорее работает как принцип.

Конечно, наука по определению принадлежит к тернарным культурным системам (как заметил Ж. Лиотар, наука является собою антимодель устойчивой системы [10 с. 152]). Соответственно, можно настаивать на своей правоте, но это не гарантирует успех. Поле науки засеивается зернами сомнения, «единственно верное учение» плохо приживается на этом поле. Однако и в научном сообществе можно наблюдать действия, которые, очевидно, базируются на своем понимании «исторической справедливости». Такие примеры обусловлены желанием закрепить свою «научную правоту» вненаучными средствами (как вариант – ссылками на традицию, «дело учителей» и т.п.), убеждением в «прогрессивности» той или иной парадигмы наперекор аномалиям, на которые, как правило, указывают научные оппоненты. Впрочем, можно и нужно идти глубже. Ученые также живут в пространстве смыслов, характерных для современной им культуры. Более того, во многом именно они конструируют эти смыслы в ответ на запросы времени. По мнению, Ф. Анкерсмита «сейчас, возможно, началась новая эпоха в историописании, в которой значение более важно, чем реконструкция и генезис; эпоха, в которой историки пытаются обнаружить значение множества глобальных противоречий в нашем прошлом, отделяя их от их устарелости и демонстрируя их современность» [1 с.340]. Таким образом, он утверждает, что метафорическое измерение в историописании более сильно, чем буквальное или фактографическое, и предполагает, что наше отношение к прошлому и понимание его в будущем будет иметь скорее метафорический, чем буквальный характер [1 с.341].

Историческая справедливость как орудие политической практики

Власть легитимизирует себя посредством утверждения в обществе мнения о справедливости своих решений и действий. Применяемая ею сила должна рассматриваться именно как «справедливая сила», в противном случае ведут речь о «диктатуре» и «тирании» [14 с. 379 и далее]. Кредит доверия к власти напрямую связан с доминированием метафор порядка и справедливости. Как здесь не вспомнить известную фразу Гегеля – «все действительное разумно, все разумное – действительно».

Из истории известно немало случаев, когда метафора «исторической справедливости» становилась действенным орудием для консолидации и целенаправленных действий значительных масс людей. Достаточно вспомнить крестовые походы, которые обосновывались тем, что нужно наказать виновных в страданиях Христа, различные истории возвращения «исконных земель» и борьбы за «свое» наследство. Активнее метафора «историческая справедливость» работает в пространстве бинарной культуры, поскольку чаще сопряжена с консервативными идеями и действиями, направленными на «возврат к старине». В этом случае, прошлое идеализируется, противопоставляется настоящему. Сохранение традиций и устоявшихся правил в этом случае видится как «святая цель». Такого рода идеологические программы нацелены на воздание «справедливых почестей героям прошлого», а политическая практика отличается неприятием новаций, поиском враждебного и чужаков. В массовом сознании формируется культ «славных предков» и жертвенности ради «исконных идеалов». Такой подход преимущественно антиисторичен, ведь на лицо попытка придать отдельным историческим фигурам и событиям сакральный характер, признать «их правоту» на все времена, а значит – вывести за пределы исторического процесса. Как правило, озвучивают такие идеи представители тех социальных и субкультурных групп, историческое

время которых уже прошло. По сути, их декларации – это ответ на смертный приговор, который им произнесен самой историей. Трагизм собственного положения останется ими не понятым. Впрочем, по прошествии времени, толкователи их судеб из числа новых консерваторов могут наградить их статусом «жертв, принесенных на святой алтарь», или с «каиновой печатью» попытаться вычеркнуть их из истории.

Однако метафора «историческая справедливость» работает не только по направлению к «желаемому прошлому». При определенных обстоятельствах она может способствовать формированию представлений о будущем и даже выработке программы модернизации. В частности, рассуждения об «исторических» и «неисторических» народах вполне могут побудить к проведению модернизационных реформ, чтобы «догнать и перегнать» других, ушедших на предыдущем историческом витке вперед, восполнить то, что не удалось предшественникам в силу различных исторических обстоятельств. Сравнения («справедливости ради») с другими народами и эпохами, может способствовать поиску и развитию своих преимуществ, специфики, приоритетов. В этом случае мы можем встречать «справедливую критику» прошлого, примеры раскаяний за преступления (которые сами кающиеся не совершали) и публичных актов прощений. Нередко такое движение вперед сопряжено с «отталкиванием от прошлого», когда историческая справедливость «требует» назвать и осудить «всех виновных» в выборе «неправильного» исторического пути, приведшего к «трагическим историческим ошибкам». Такие призывы также антиисторичны, ибо история не знает ошибок, а попытки «судить» ее оборачиваются еще худшими последствиями, когда разрывается связь времен и поколений, и появляется феномен «разорванной памяти», который чреват проявлениями социально-исторической безответственности, психологическим напряжением и различного рода конфликтами и травмами. Впрочем, желание обеспечить социальную стабильность заставляет в этом случае смягчать

требования исторической справедливости. В связи с этим раздаются призывы «все оставить на своих местах», «не ворошить прошлое», провозглашается право каждого на «свою правду». На таком основании строится политическая практика либерализма. При всей привлекательности этого пути нельзя не согласиться с Ж. Лиотаром о том, что атомизация (разобщенность) людей, подразумеваемая понятием микро-нарратива и языковых игр, ведет к краху этики.

Историческая справедливость в идеологических конструкциях

Идентификационные процессы также связаны с понятием «историческая справедливость». Осознание «своей» общности происходило в процессе взаимодействия с другими. Именно в этом случае происходило «присвоение» определенного культурного наследия, а затем сохранение его от притязаний «других», обозначение культурных, а затем и пространственных границ как «своих». Обычно в этом случае говорят об «исторической преемственности». По мере укрепления общности, возрастает стремление к первенству на значительно большем культурном пространстве. Не случайно, данная метафора играет ключевую роль в различных идейных конструкциях гегемонистского характера. Достаточно упомянуть об идеях возрождения «Арабского халифата», «Великой Польши», «Украины от Сяна до Дона» и т.д. Конечно, в ряде случаев гегемонистские цели прикрыты реваншизмом и в этом случае, исторической справедливости принадлежит особое значение (она трактуется как «историческое право»). Безусловно, наиболее показательным примером является стремление немецких фашистов построить «Третий Рейх».

Метафора «историческая справедливость» использовалась и при построении «прогрессистских» социальных теорий. Так, «освобождение пролетариата» выступало в качестве «исторической задачи» в работах марксистов. Часто в этом случае «историческая справедливость» трактовалась как «историческая мис-

сия», то есть претензии обосновывались не прошлыми обстоятельствами, но новой социальной ролью.

Несколько иной вариант отношения к метафоре «историческая справедливость» наблюдается с началом распространения идей мультикультурализма. Современный динамичный мир старается не вспоминать старые обиды, которых накопилось немало. Признается существование множества «исторических истин», точнее – их равноправие. В этих условиях, кажется, не возникает и споров об исторической справедливости. Старый героизм порой выглядит нелепым, а то и смешным. К разряду «странных» готовы отнести и «святые жертвы». Историческая справедливость превращается в исторические «парадоксы» и «казусы». Собственно, в этом случае мы видим развитие идей либерализма на новом историческом этапе. Однако либерализм и в новом облиции никоим образом не смягчает конкуренцию и не отменяет «право сильного», наоборот, он фактически узаконил право на доминирование тех или иных социальных групп и структур в неявной форме, в том числе с опорой на «очевидную» историческую справедливость. В результате, как попытка противодействовать этому доминированию, среди представителей исключенных из «списка доминирующих» общностей, наблюдается распространение радикальных идей, возрождение фундаментализма и национализма, они снова поднимают старое знамя, на котором начертано «историческая справедливость».

Таким образом, подводя определенный итог, можно отметить, что границы понятия «историческая справедливость» весьма широки, а смысловое наполнение очень размыто. Его используют как для оправдания действий конкретного исторического персонажа (впрочем, как и любого человека в контексте «его» времени), так и для обоснования настроений тех или иных социальных групп, политических претензий и построения всевозможных «возрожденческих» теорий. При этом лишь в редких

случаях авторы такого рода рассуждений делают какие-либо ремарки о самом понятии. Как правило, оно скорее выступает в «констатирующем» варианте, когда то или иное событие обозначается как «акт исторической справедливости». Безусловно, это словосочетание принадлежит к числу тех метафор, которые играют важную роль в процессе конструирования идей, но которые чаще используются «по умолчанию». Метафора «историческая справедливость» имплицитно лежит в основе разнообразных дискурсов (научного, публицистического, идеологического, этического) и практик (политических, культурных, комемориальных). Она является активным элементом «языковых игр» и важным звеном многих идейных конструкций. Ее смысловое наполнение и конфигурация зависят от социокультурного контекста и направленного интереса субъекта, ее использующего и интерпретирующего. Кажущаяся ее «универсальность» приводит к тому, что порою ее используют без учета норм того или иного дискурса, вырывая из контекста, без какой-либо рефлексии по поводу ее смыслового наполнения. Поскольку исследователи различают «живые» метафоры, способные являться основой коммуникации, и «мертвые» метафоры, которые являются кладбищем смыслов [1 с. 95], следует признать, что данная метафора принадлежит к разряду «вечно живых». Следует также отметить, что ее использование предполагает оперирование «долгим временем», т.е. выстраивание с ее помощью отношений людей, событий, процессов на временном отрезке большой длительности. В известном смысле, использование этой метафоры предполагает понимание основного вектора развития социума и, в этом плане, она легко встраивается в различные идеологические конструкции. Метафора несет в себе сильный этический заряд, что позволяет как консолидировать людей, так и разрушать их взаимодействие.

Будучи маркером «социально ориентированной» истории, метафора «историческая справедливость» незримо присутствует и в рамках так называемой «строгой науки». В исторической

науке ее чаще применяют в рамках старой политической истории, где с этой метафорой соединено много весьма конъюнктурных оценок и мнений. Вместе с тем, часто именно на «исторической справедливости» базируется консенсус между профессиональными историками и отдельными социальными группами, а также обществом в целом. Можно утверждать, что данная метафора активнее «работает» в условиях бинарной культуры, и наоборот ее значение ослабевает в тернарных культурных системах. Обретая разное смысловое наполнение, данная метафора может выполнять различные функции в процессе осмысления прошлого и конструирования будущего. Все это, на наш взгляд, актуализирует вопрос о ее роли в культурных процессах новейшего времени.

Литература

1. Анкерсмит Ф. 2003. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.
2. Барг М.А. 1984. Категории и методы исторической науки. М.
3. Вжосек В. 1991. Историография как игра метафор: судьбы «Новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 60-74.
4. Вжосек В. 2012. Культура и историческая истина. М.
5. Вжосек В. 2005. О смысле и назначении метафоры в гуманитарных науках // История и современность. 2. 23-34.
6. Ионов И.Н. 2007. Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющая цивилизационных представлений // История и современность. 2. 79-121.
7. Историческая справедливость – это вредная химера: Круглый стол 2013 г. Эл. ресурс. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/publicpost/1056684-echo/>
8. Історична наука: термінологічний і понятійний довідник. 2002. К.
9. Історіографічний словник. 2004. Х.
10. Лиотар Ж. 1998. Состояние постмодерна. М. Эл. ресурс. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt_with-big-pictures.html
11. Нора П. 2010. Расстройство исторической идентичности // Мир истории: электронный журнал 1. Эл. ресурс. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>

12. *Посохов С.И. 2014. Исторический оптимизм и современная культура: вместе или врозь? // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 28 -50.*
13. *Посохов С.И. 2013. «Своевременные размышления» о теориях памяти, типах культуры и смыслах истории // Харківський історіографічний збірник. 12, 6-23.*
14. *Рикер П. 2004. Память, история, забвение. М. Эл. ресурс. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/07.php.*
15. *Святославский А.В. 2012. Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти с 1930-х годов до современности // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 288 -313.*
16. *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2014. М.*
17. *Тоштендаль Р. 2014. Профессионализм историка и историческое знание. М.*